

Фотофрагменты кинетического действия «Лесные игры» в какой-то мере отражают стиль жизни группы «Движение». Подобные игры предшествовали «Большим кинетическим событиям» в Крыму, Суздале, Подмосковье, на Кавказе, Петергофе... «Малые» же кинетические действия разыгрывались спонтанно: во время прогулок в лес или как подарок на день рождения, под Новый год и т. п.

Для «игр» выбиралось уединенное место: лесная поляна, скалы на берегу моря, развалины древнего замка или необитаемый остров... Магическая одушевленность природы настраивала на непосредственное восприятие: в глубине леса, в черном зеркале пруда сверкает лунная ладья, лучи пронизывают зелень хвои... порыв ветра, ожившая тень, медленный полет и вдруг дикий крик птицы... но резкая смена ракурсов, контраст переживаний, голоса ветра не нарушают покрова всеобъемлющей тишины.

Все участники переодевались в двуцветные костюмы мимов с вертикальной разделительной линией — знаком присутствия таинственного «я», свободного от внушенных представлений, условностей, амбиций... Но простое действие с переодеванием — символ мгновенного преображения. Это как прыжок в иное измерение. «Иное измерение» в данном случае отнюдь не сверхъестественное явление: интеллектуальные представления, воображение и эмоциональные состояния человека необычайно подвижны, а пределы расширения сознания — сфера малоизвестная.

Зеркальные объекты, структуры, костюмы, «головные уборы», шлейфы — элементы игры, трансформируют пространство действия. (Вояж на необитаемый остров в Финском заливе предпринимался на яхте старого друга... Внутри огромного куба, затянутого черным бархатом, с помощью системы зеркал нарушалось привычное восприятие «большого» и «малого»: испытуемый, в полной темноте наблюдая через «окно» за игрой пляшущих в пламени ряженных человечков, внезапно оказывался среди них — эффект размерной амбивалентности; в отра-

жениях множились отражения... и так далее.) Загадочная «зеркальность» притягивает безграничной способностью отражать всё, что появляется перед ней, и собственно отражениями, которые, по сути, — сон или мираж. Но в момент игры мы имеем дело с отражениями иных измерений и можем общаться с ними посредством движения, голоса, скрытых глубин памяти — будто присутствует тончайшая связь, и пронзительное переживание мгновения улавливает эту связь.

Участники Кинетических Игр стремились интегрировать свою творческую активность с силами природы. Пространство действия намечалось приблизительно и с легкостью менялось, так как предпочтение отдавалось импровизации. Эстетический контекст пространства создавался кинетическими средствами: звук, цвет, лучи, движение — рождение формы, существующей только в движении, в мгновении... В «лаборатории» разрабатывались проекты-сценарии «кинетической игровой среды» — мира, создаваемого по законам искусства. Это можно представить в виде фантастического музыкального инструмента, настроенного на внутренний звук, на осознание человеком своей истинной природы. «Игра» парадоксальным образом совмещала явления, обычно враждебные друг другу, в отсутствие же демона борьбы возникало нечто подобное пространству поэтической метафоры, отсекающей любую возможность рационального объяснения или оценки. Спонтанная воля фантазии преображала мир. Деятельность группы «Движение» была официально запрещена в 1969 г. (после завершения проекта детской игровой среды — «Остров цветов»), но «движение» продолжалось вне социума, его власти и понимания. Некоторые принципы организации кинетической среды все же удавалось применить и в оформлении официальных выставок (Сокольники, Институт вакуумного стекла, Манеж и др.). Но это была уже другая, вовсе не безопасная игра.

Подмосковье, Клязьма, 2004 г.

СЕРГЕЙ ЖИГАЛКИН

Москва, Чертаново, одна тысяча девятьсот семьдесят первый год. «Лесные игры». Мы смотрим на фотографии, читаем воспоминания. Трудно, почти невозможно представить, как это было тогда. Серый, однообразный, беспощадный ко всякому поиску, мир, утвердившийся будто бы навсегда, и, неизвестно откуда, в его глубине — самые смелые мысли, стремления, действия — иная, невероятно свободная жизнь! Иногда, очень редко, как цветок сквозь асфальт, — проявления этой жизни вовне...

Чертаново, семьдесят первый. Нагромождения блочных домов, унылые улицы — «спальный микрорайон». Монотонные толпы людей: на работу, домой, на работу, домой... без конца... И вдруг безо всяких причин — фантазмагория цвета, таинственных образов, странных форм. Непосредственность, легкость, игра. Молния, шок...

Две тысячи четвертый год. Мы смотрим на фотографии, и нам очевидно, что это шестидесятые... А, собственно, почему? Эстетика форм, динамика образов, стиль, цвет весьма неожиданны и оригинальны, но все же относятся именно к шестидесятым: «дух времени» отчетливо проявляется в каждом штрихе.

Кроме того, характерная черта тех лет: все кажется, скорее, поиском, фиксацией ориентиров, идей, чем безупречным и завершенным «продуктом». И наконец, сами средства...

Виртуальная реальность, компьютерные игры, миллиарды долларов, вложенные в шоу-бизнес, фильмы, рекламу, стремительный технический прогресс визуальных устройств, лазеры, голограммы, пространственный звук, другие эффекты. «Эффекты»... Сегодня без них невозможен успех...

Разумеется, можно поразиться четкости звука или трехмерности изображения, однако воздействие любого «эффекта», в сущности, невелико. Через десять минут после «просмотра» мы можем запросто вернуться к своим обычным мыслям. И это понятно: продюсеров, режиссеров, операторов, актеров и, главное, спонсоров, совсем не заботит изменение состояния зрителя и раскрытие глубин его существа. Наоборот, предпочтительно, чтобы он оставался в своем обычном состоянии, ведь именно в нем он наиболее

податлив и управляем, расчетлив и рационален и готов потреблять, зарабатывать и вкладывать деньги, голосовать. В этом отличие современного шоу от искусства прошлых эпох. В этом и его главная проблема, поскольку без психического аспекта существенное воздействие исключено. Даже обыкновенный наркоман всегда предпочтет рожденную его собственной, пусть весьма скудной фантазией «иную реальность» любой «виртуальной», самой модной и дорогой...

Мы узнаем шестидесятые, потому что пластика, цвет, методы, стиль, найденные художниками тех лет, давно уже «вошли в жизнь»... Не удивительно, что прошлое представляется нам понятным, иногда даже наивным, — только историей, только ступенями к вершинам «современного художественного мастерства»... Тем более, если учесть, что мы имеем дело лишь с формой, забыв и утратив смысл...

Иные измерения, футурологические грезы, особые психические состояния, метафизические перспективы, ради которых, собственно, и создавались произведения, сегодня — пустые слова...

Произведение искусства, особенно прошлых времен, во все не «совершенство», но, скорее, знак, указание или намек на нечто неизмеримо большее, чем оно само... Ураган на холсте ценен не сам по себе, а только лишь тем, насколько способен увести воображение к настоящему урагану...

То же с Джокондой: вся тайна, смысл, красота не на холсте, а всюду, вокруг, в глубине нас самих...

В творческом порыве, игре, забывая себя, погружаются в совершенно иную атмосферу, которая находит выражение в каждом движении, жесте, штрихе...

Уловить эту атмосферу и значит что-то почувствовать или понять...

Одна тысяча девятьсот семьдесят первый. «Лесные игры». Просто рассматривая фотографии, попытаемся проникнуться «пространством игры»... может быть, мы ощутим странный ветер и внезапно увидим иной горизонт, измерение, ориентир...

Подмосковье, Клязьма, 2004 г.

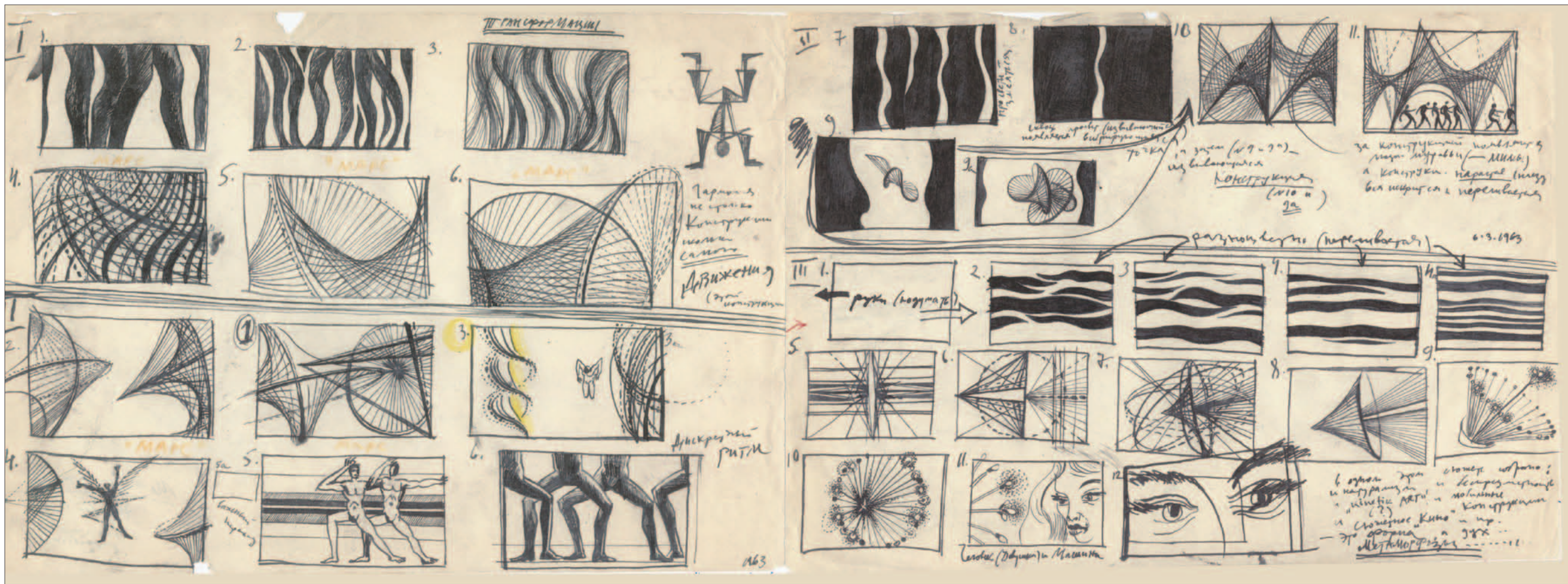
В. Бородин и В. Бутурлин. Репетиция

Л. Нуссберг. Эскизы сценографии и костюмов к кинетическому спектаклю «Метаморфозы». 1966

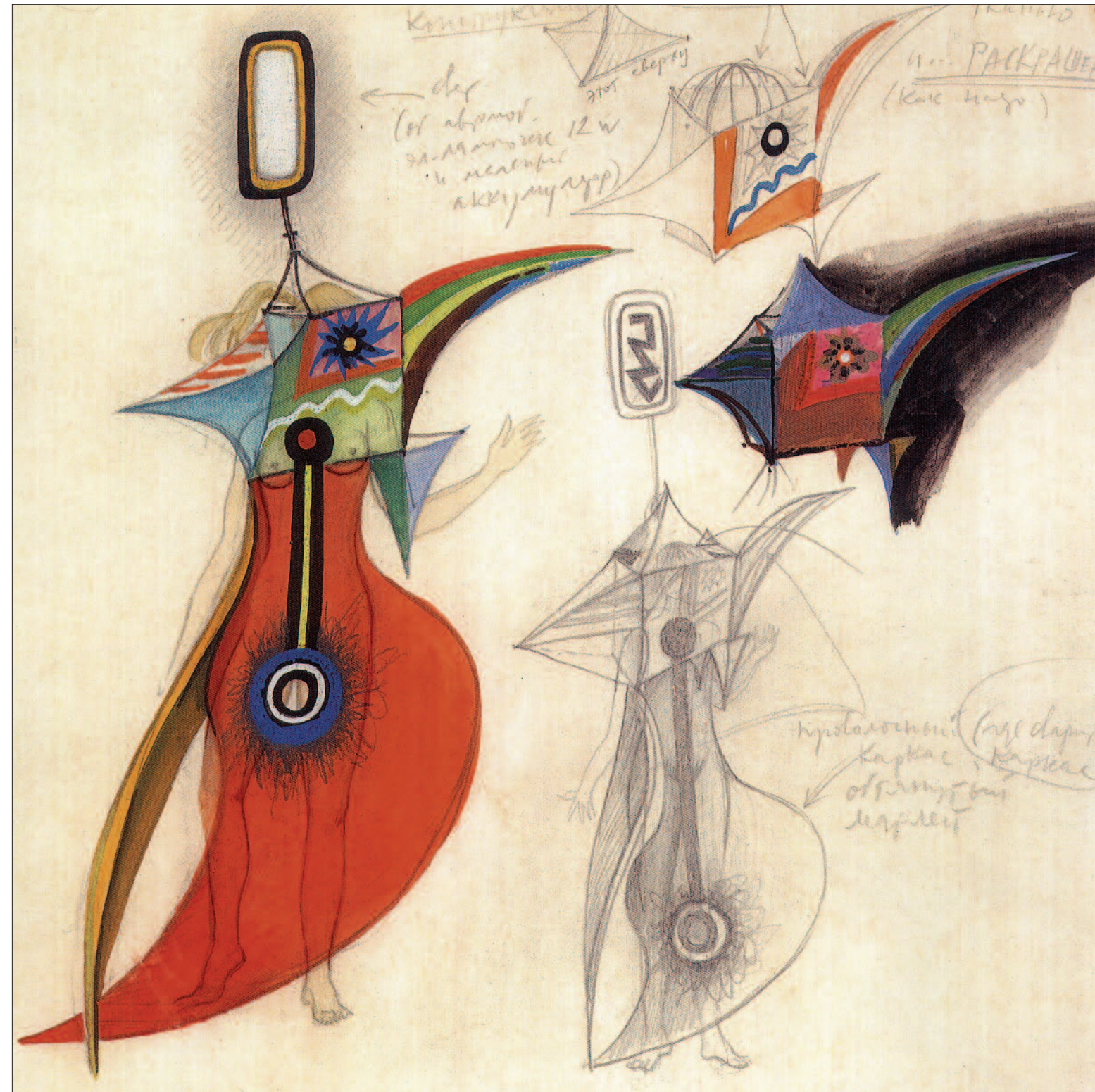
Г. Битт. Эскизы костюмов к кинетическому спектаклю «Метаморфозы». 1966

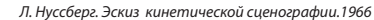
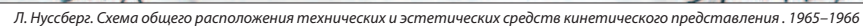
Л. Нуссберг. Эскиз-сценарий к кинетическому спектаклю «Метаморфозы»

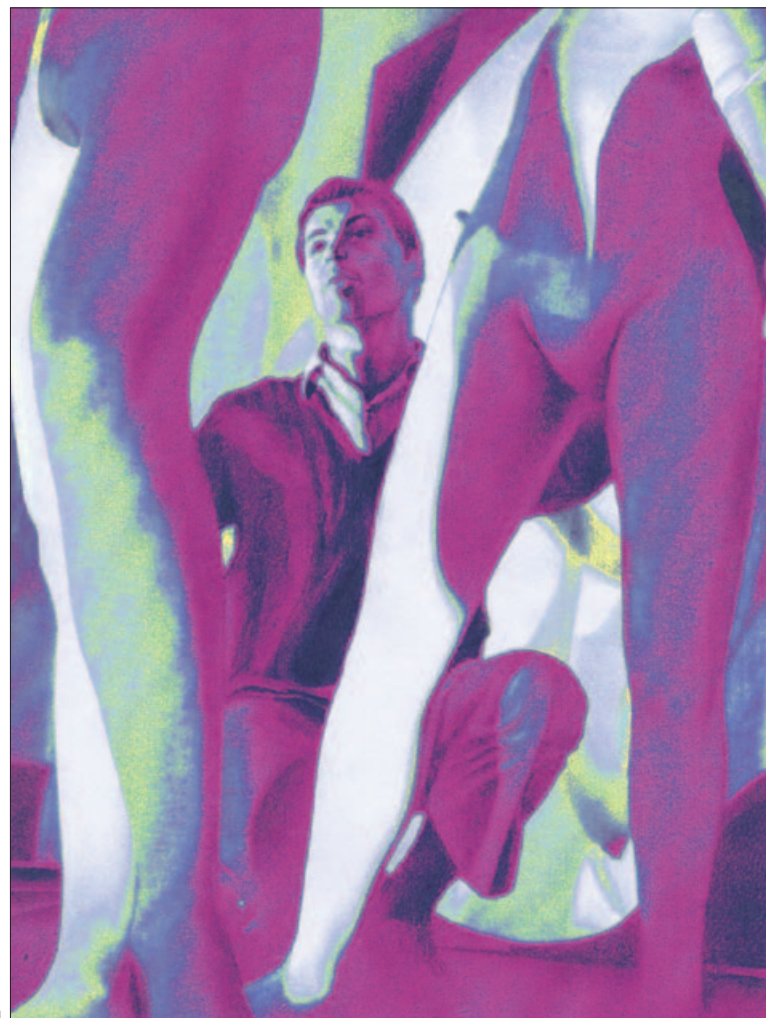

Л. Нуссберг. Эскиз к театрализованному спектаклю «Красное и Белое». 1966

Л. Нуссберг. Эскиз костюма. 1966

Репетиция перед спектаклем

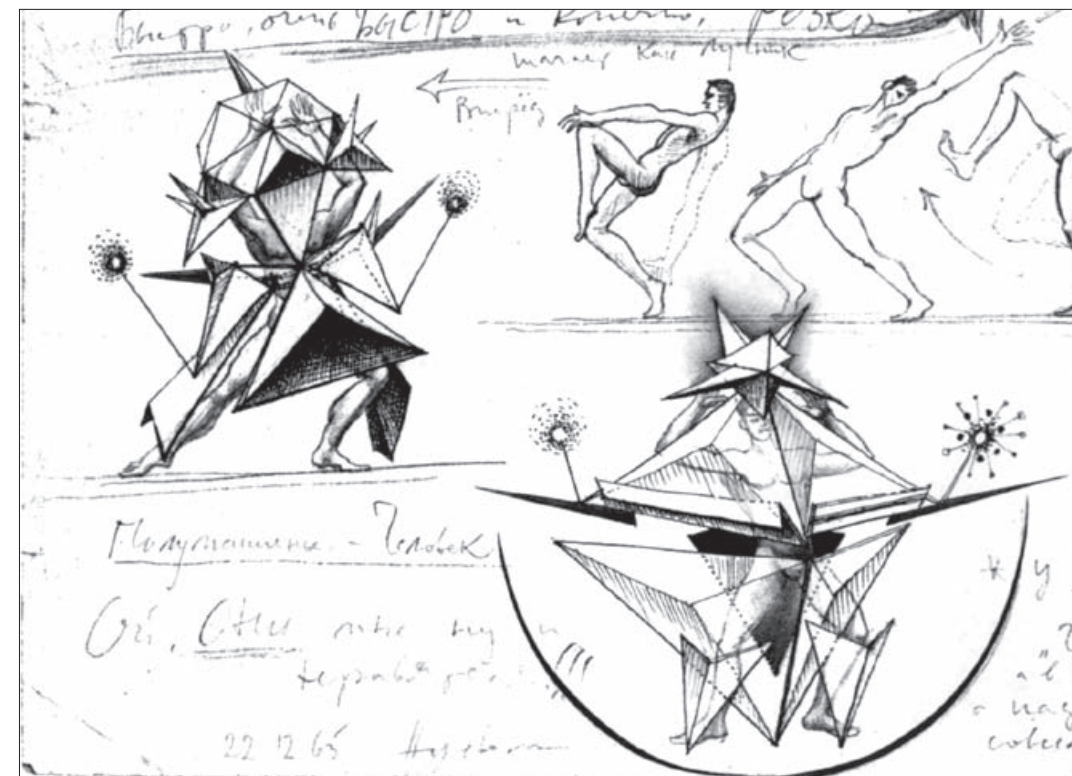
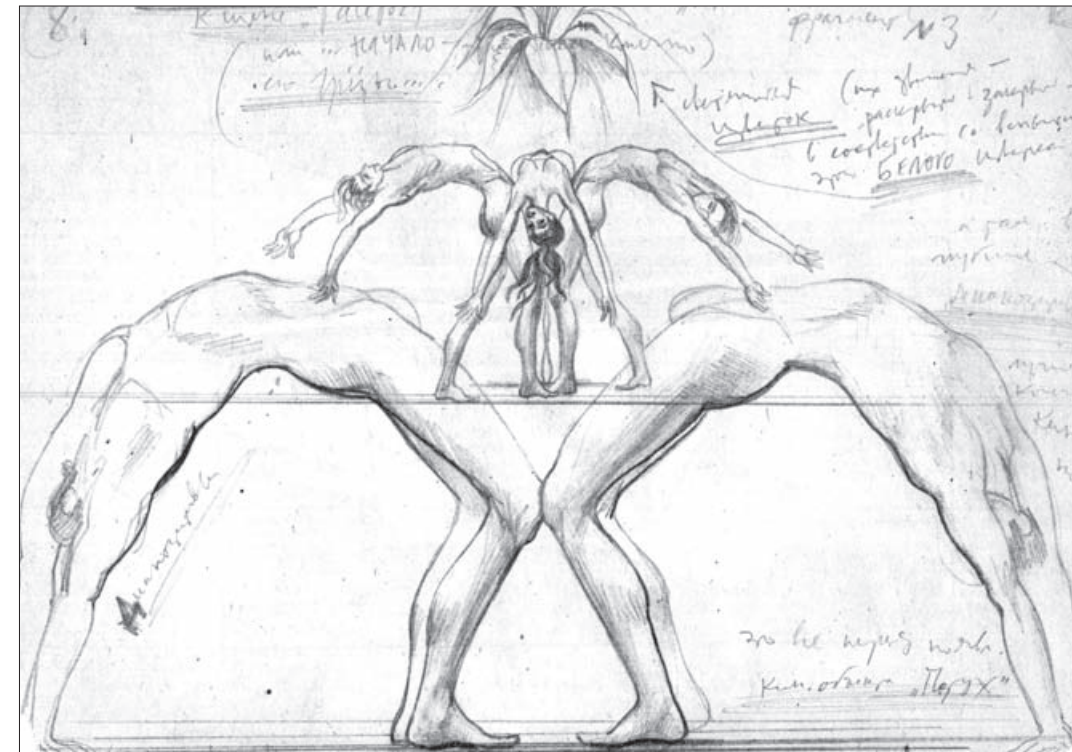
Г. Битт. Эскиз костюма

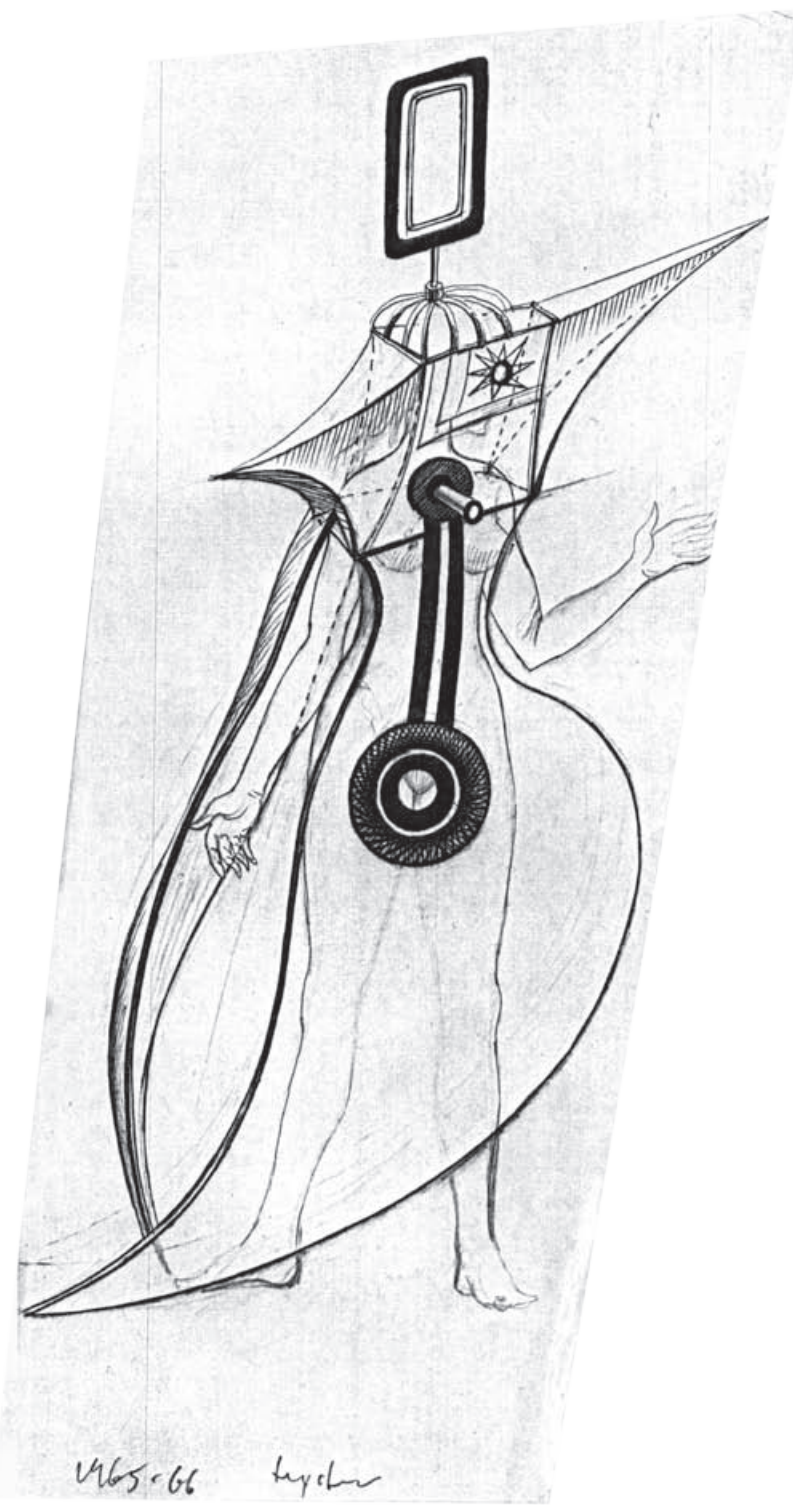
Г. Битт. Эскиз сценографии

Л. Нуссберг. Эскиз кинетической сценографии. 1966

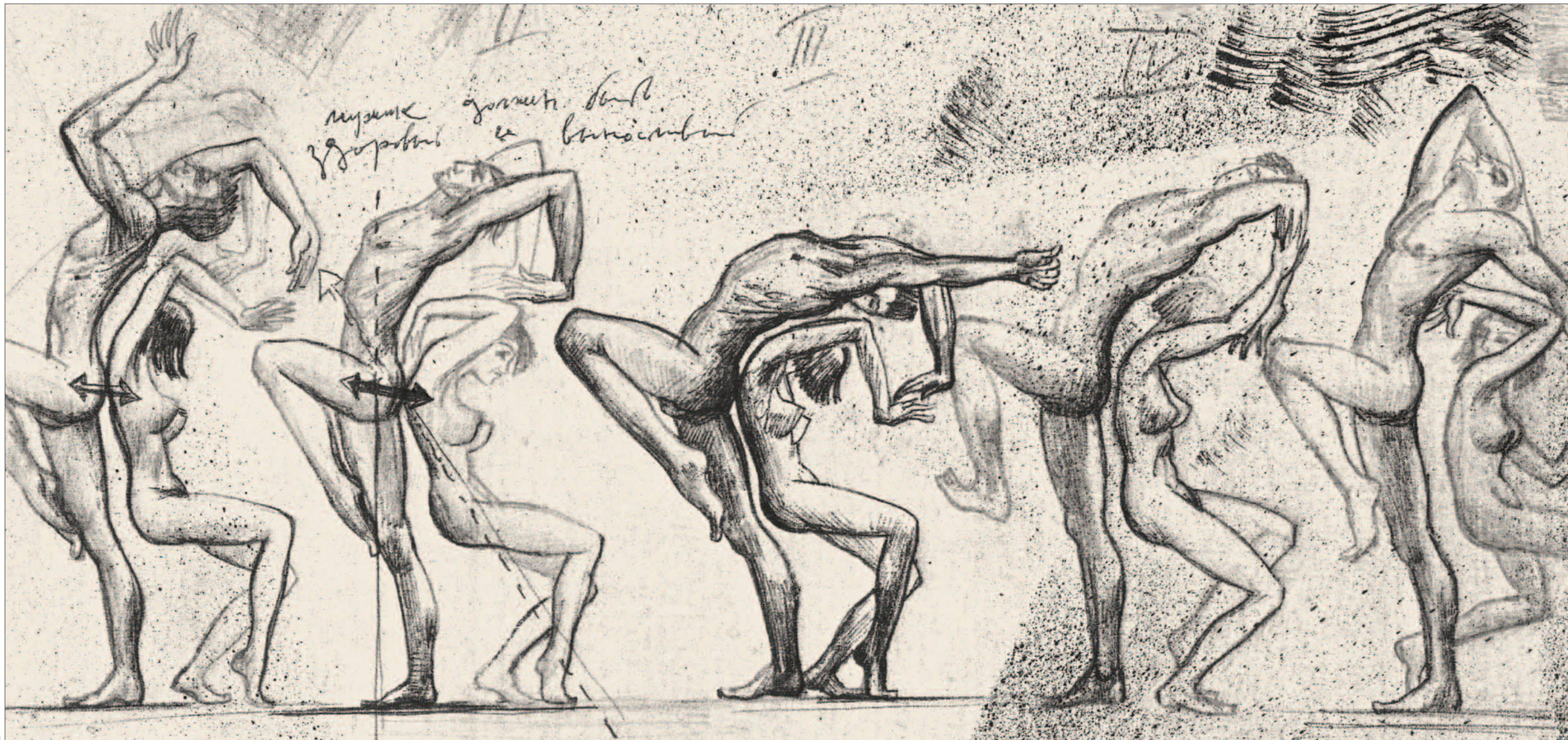
Л. Нуссберг. Эскизы кинетических объектов-костюмов. 1966

Л. Нуссберг. Эскиз костюма. 1966

Л. Нуссберг. Эскиз для «Прелюдии» к кинетическому театрализованному представлению «Красное и Белое». 1966

Л. Нуссберг. Эскизы сценографии к кинетическому спектаклю «Метаморфозы»

Л. Нуссберг. Эскиз к театрализованному спектаклю «Красное и Белое». 1966

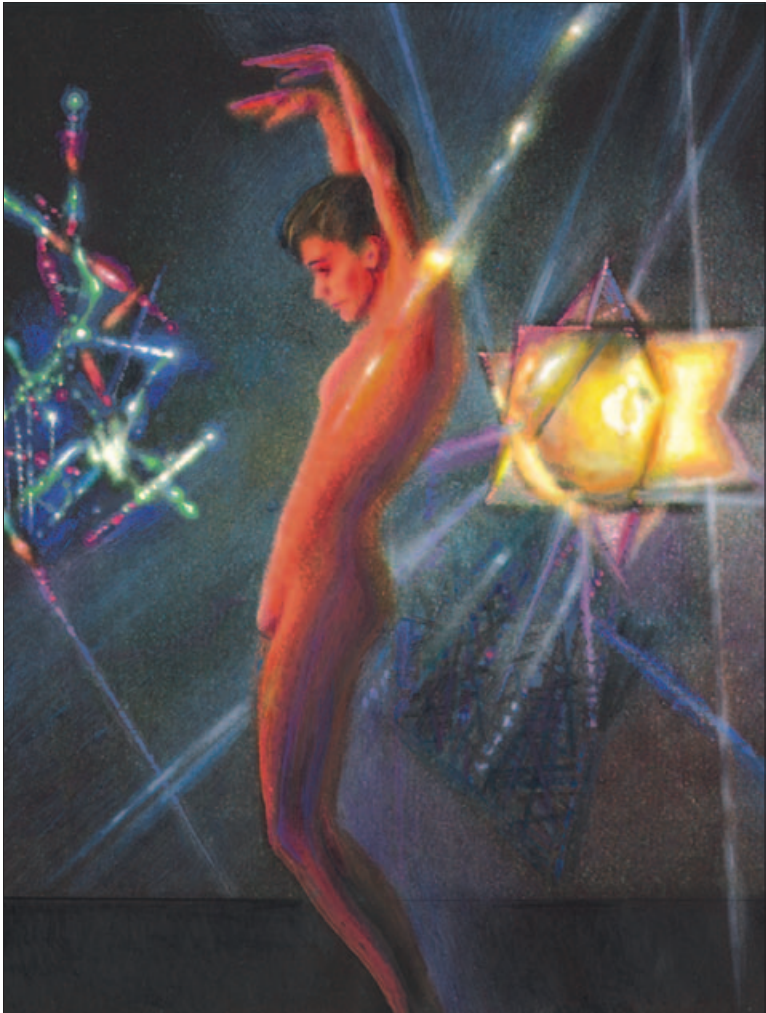
Г. Битт. Эскиз костюма-объекта

Л. Нуссберг. Эскиз к театрализованному спектаклю «Красное и Белое». 1966

Репетиция перед спектаклем

Г. Битт. Эскиз сценографии

Александр Григорьев

Осколки воспоминаний

«Монахи» (утро)

...И вот, преодолев все «приготовления», они оказались в чистом поле, на широкой, не ясно мерцающей дороге, которая терялась в черном лесу. Всё это было удивительно волнующе, все дышало таинственностью и что приятно, очень нравилось. На опушке леса, перед большим дубом «монахи» собрались и отправились через лес, над головами у них хлопали крыльями утренние птицы, несколько звездочек влажно поблескивали из-за тихих облаков. Однако, сердца их, объятые робким и вместе с тем торжественным чувством раннего утра, бились тревожно – они вышли на «поляну», где их ждали...

«Игры» (день)

...Какое это удивительное счастье — унести в жизнь сверкающие воспоминания, события неповторимые, но живые, — настолько живые, что живет чем было в жизни, потому что как пережитое, продуманно и еще наверное потому, что неоднократно перечувствовано. Молодые пластичные тела в разноцветных костюмах пантомимов, — то ли «пришельцы», то ли блуждающие души, не нашедшие своего пристанища, не попавшие в «свой мир» и тревожно мерцающие между жизнью и смертью, — смущая живущих. Эти «пришельцы» погрузились в игру, неотвратимо связанную с природой окружающей их. А рядом с ними трепетно мерцающие метаморфозы: на дне спешащей реки ласково-женские плечи, королевские короны, латинские и греческие очертания букв, образы прошлого. Сны наяву, полные чудесных превращений.

Вечер

...Вечер. Остались только «пришельцы», гости ушли. Страсти отгорели. Наступила усталость и еще тягучие дневные грезы: из темных бесконечных глубин, из забвения тянулись к свету золотистые ароматы цветов, помнились утренние птицы и «Страсти по Матфею» Баха. Томно уга-

сал костер... Прошло тридцать лет, а точнее тридцать два. По нынешним временам очень много. Изменилась жизнь, сменились направления в искусстве. Но то, что было «сыграно» тогда, на фоне существовавшего «совка», — удивительно весело и оригинально.

«Не лирические отступления»

...Воспоминания того бурного дня смутны – долго готовились (не говоря уже о прошлых годах творческих поисков); когда долго и «насыщенно» готовишься к какому-то событию-явлению – само событие происходит как в тумане и лихорадке. Помню много народу (память сохранила только несколько имен: Вахтанг, Лаанин, Холин, Брусиловский, Кабаков, Савва Кулиш, Кастаки, немецкий журналист, кто-то еще...), суету, напряжение. Отчетливо помню Нусберга, присутствовавшего «одновременно везде»...

...И собственно о самих «Играх». Наши «Игры»: исполнение запланированных заранее действий, которые принадлежат миру искусства, жизни и природы. Формирование этих «Игр» связано с синтезом музыки, театра, кино, поэзии, танца и нового отношения к живописи (желание выйти из иллюзорного плоского картинного пространства, – к четырехмерному). И, конечно, при использовании средств и материалов этого сиюминутного мира – выход за рамки этого мира – «сейчас и здесь». И еще, – использование иронии, художественной двусмысленности и очень важное, – «вовлеченности присутствующих».

Москва. Июнь 2003 г.

Татьяна Быстрова

Странные персонажи в лесу

Даже не знаю с чего начать...

Предшествовавшие событию полгода наших приготовлений не сравнимы по напряженности и самоотдаче каждого... с теми 2–3 неделями перед самой «Игрой-акцией», втянувшей в участие знакомых и... иностранцев. И конечно, постоянно высказывали, как чёртики, какие-то недоделки: что-то докрасить или дошить, где-то допаять, скрепить покрепче конструкции костюмы – ох, уж с ними и намучились, особенно Саня (Григорьев – прим. ред.) и «Заяц» (Г. Битт – прим. ред.). А пошить нам полтора десятка «монашеских» балахонов с капюшонами да с зеркальными масками к ним!

Так что хорошенько подготовиться к этой Импровизационной игре (хотя Нусберг уже давно расписал главные «игровые линии», и каждый из нас по кусочкам разучивал что-то для себя) было не менее важно, чем проведение даже самой Игры: Лэ приглашал и официальных и левых, художников, поэтов, режиссеров да арт-критиков. И никто не знал как они отреагируют – примут ли участие в наших абсурдных розыгрышах или нет?

Но душевный наш подъем и самоотдача в общей творческой работе – при том, что мы с прошлого года трудились на «Мосфильме» (порознь и одновременно на трёх кинокартинах... разных режиссёров) – были необыкновенно интенсивны.

Кажется, что у каждого значительного события в жизни есть какая-то особая притягательность, магия... что ли. И июльский день 1971 года запомнился разноцветьем и особенными ароматами лугов и полей в ещё чистом тогда Чертановском лесу.

Эти запахи и звуки лесной жизни с годами наслаивались и усиливались, становясь чувственно ощущаемым символом. Особенно после недавнего просмотра цветных диапозитивов в памяти стали оживать образы игровых ситуаций: костюмы, лица гостей-участников и друзей... Запомнился «живой» и модный художник Брусиловский,

улыбчивый, но грустный поэт Холин, архитектор Август (Лаанин, — прим. ред.) и наш Глинчиков — оба приехали из Питера, да, еще и огромный Понизовский, на протезах. Кажется, еще коллекционер важный, грек-Кастаки, немецкий корреспондент с семьей, и киношники с «Мосфильма»: Савва (Кулиш, – прим. ред.), Юткевич и Алик Штейн...

Ещё какие-то вредные тётки из театрального мира...

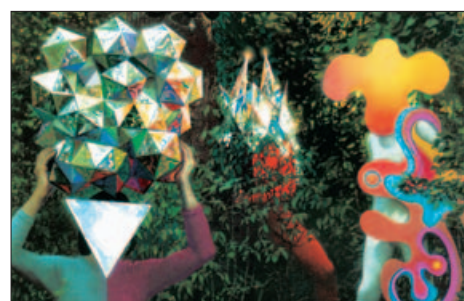
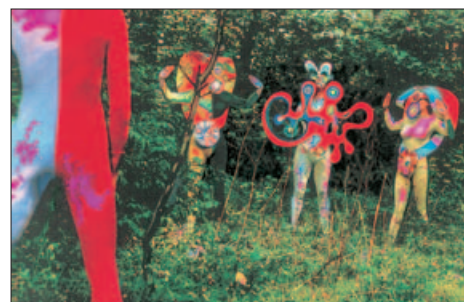
Весь день тогда вместе с гостями мы создавали новые отношения между реальностью: людьми, природой, трапезой с хорошим подпитием — и вымышленным, мифотворческим миром-ситуацией, как бы населенным Персонажами или Фигуринами, иронично, в шутку имитировавшими... якобы появившихся в чертановском лесу каких-то «Пришельцев» из других измерений-миров.

Москва 2003 г.

Л. Нусберг. Эскиз «Кинетической игры». 1967

Группа «Движение». Театрально-кинетические игры. Чертаново, Москва, 1971

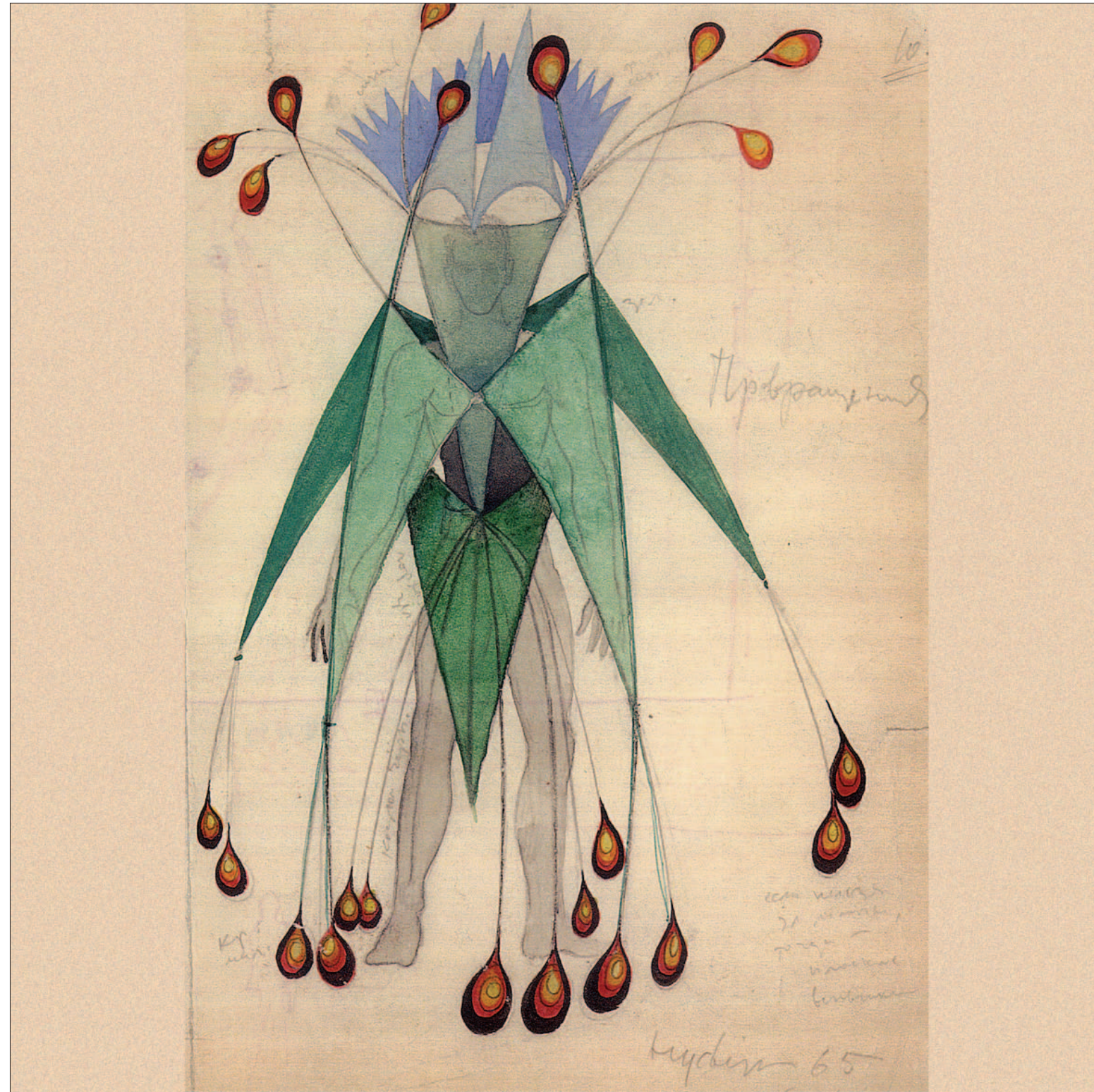

Группа «Движение». Театрально-кинетические игры. Чертаново. Москва. 1971

Л. Нуссберг. Эскиз костюма. 1966

Г. Бутт. Эскиз костюма. 1966

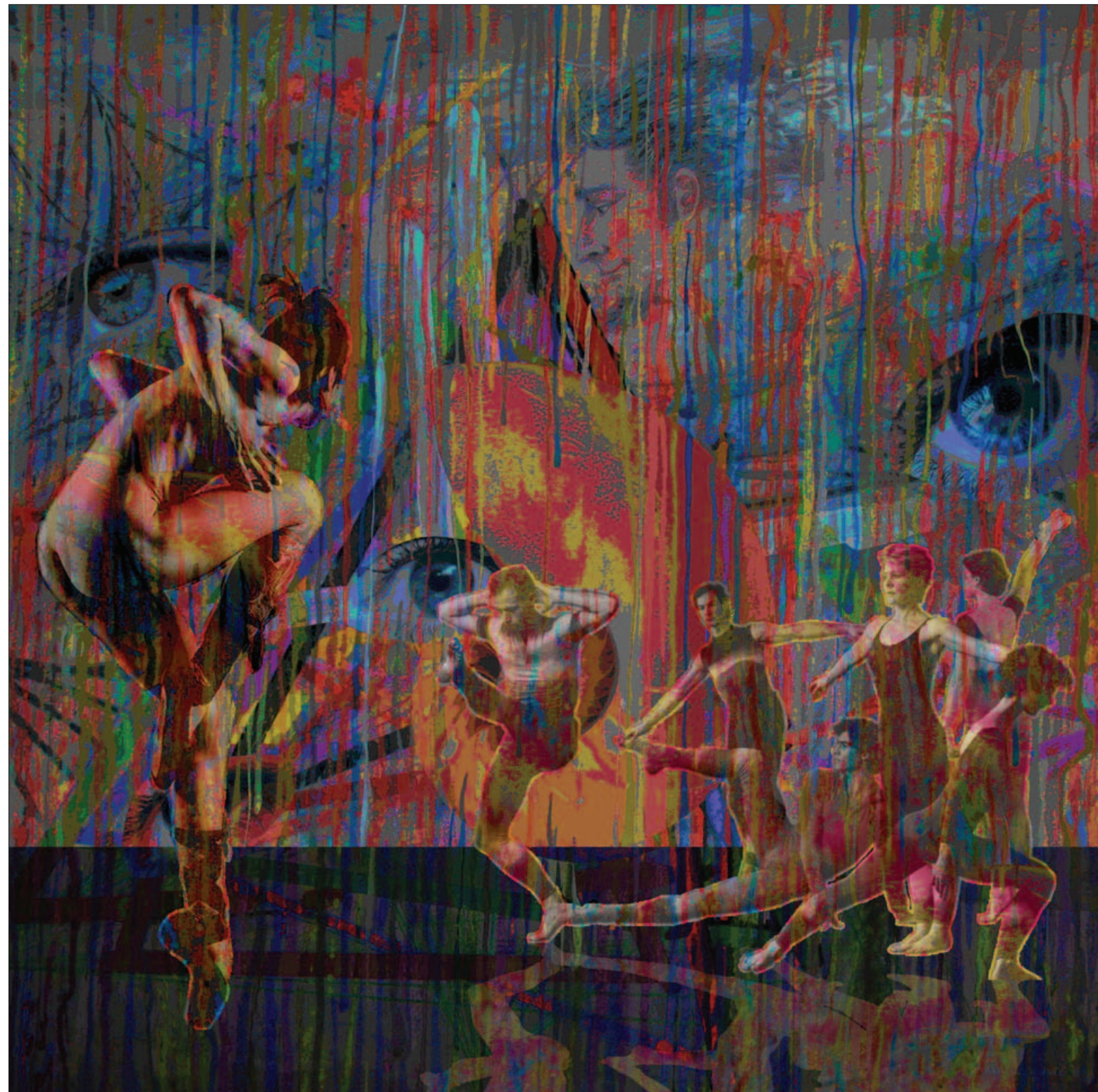

Группа «Динамика» (Г. Антонов, Н. Прокуратова, А. Бахвалов, В. Тимофеев, И. Иванов, М. Ненасева и другие). Кинетический спектакль «Цвет и чёрное». Ленинград. 1973

Группа «Динамика» (Г. Антонов, Н. Прокуратова, А. Бахвалов, В. Тимофеев, И. Иванов, М. Ненашева и другие). Кинетический спектакль «Цвет и чёрное». Ленинград. 1973

А. Григорьев. Эскиз сценографии к спектаклю «Игра форм» для группы «Динамика». 1973–1974. Задник был использован для репетиций в Доме Ханжёнкова. 1993

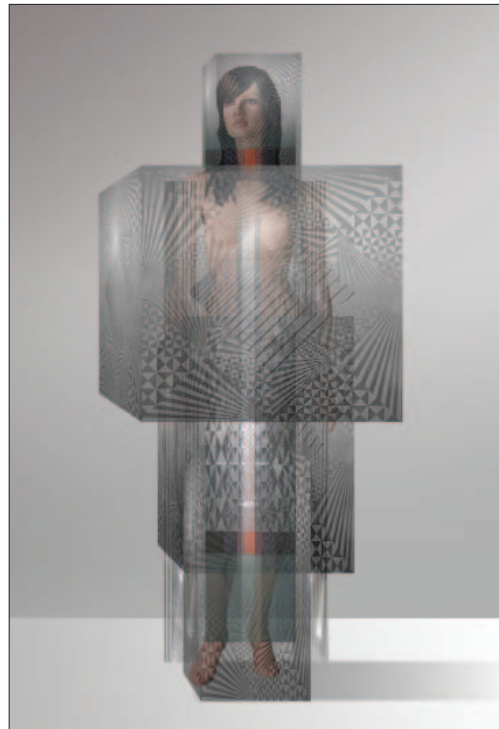
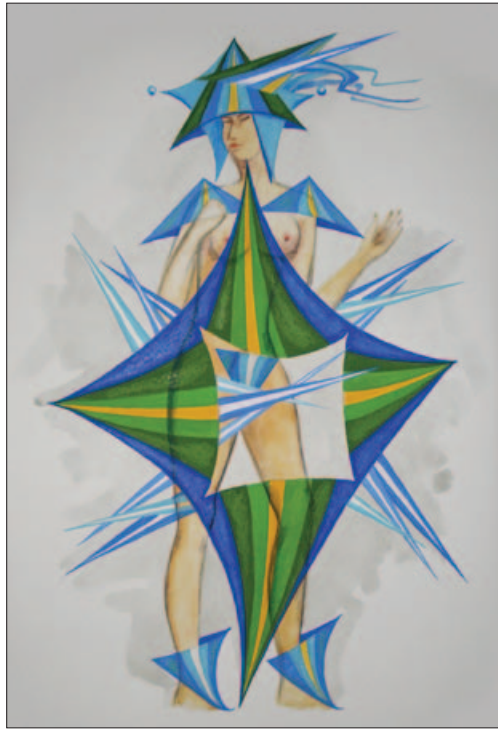

А. Григорьев. Эскизы костюмов к спектаклю «Игра форм» для группы «Динамика». 1973–1974

А. Григорьев. Аутентичная копия эскиза костюма к спектаклю «Игра форм». 2005

А. Григорьев. Аутентичная копия эскизов костюмов к спектаклю «Игра форм». 2005

А. Григорьев. Восстановленные костюмы-объекты к спектаклю «Игра форм». 2000

А. Григорьев. Эскизы костюмов к спектаклю для группы «Динамика». 1973–1974

А. Григорьев. Восстановленный эскиз сценографии к спектаклю «Игра форм». 2000

А. Григорьев. Восстановленный эскиз сценографии к спектаклю «Игра форм». 2000

А. Григорьев. Театральные реминисценции на тему спектакля «Игра форм», 2011

А. Григорьев. Эскиз костюма к спектаклю «Игра форм» для группы «Динамика», 1974

А. Григорьев. Эскиз костюма к спектаклю «Игра форм» для группы «Динамика», 1974

А. Григорьев. Театральные реминисценции на тему спектакля «Игра форм», 2011

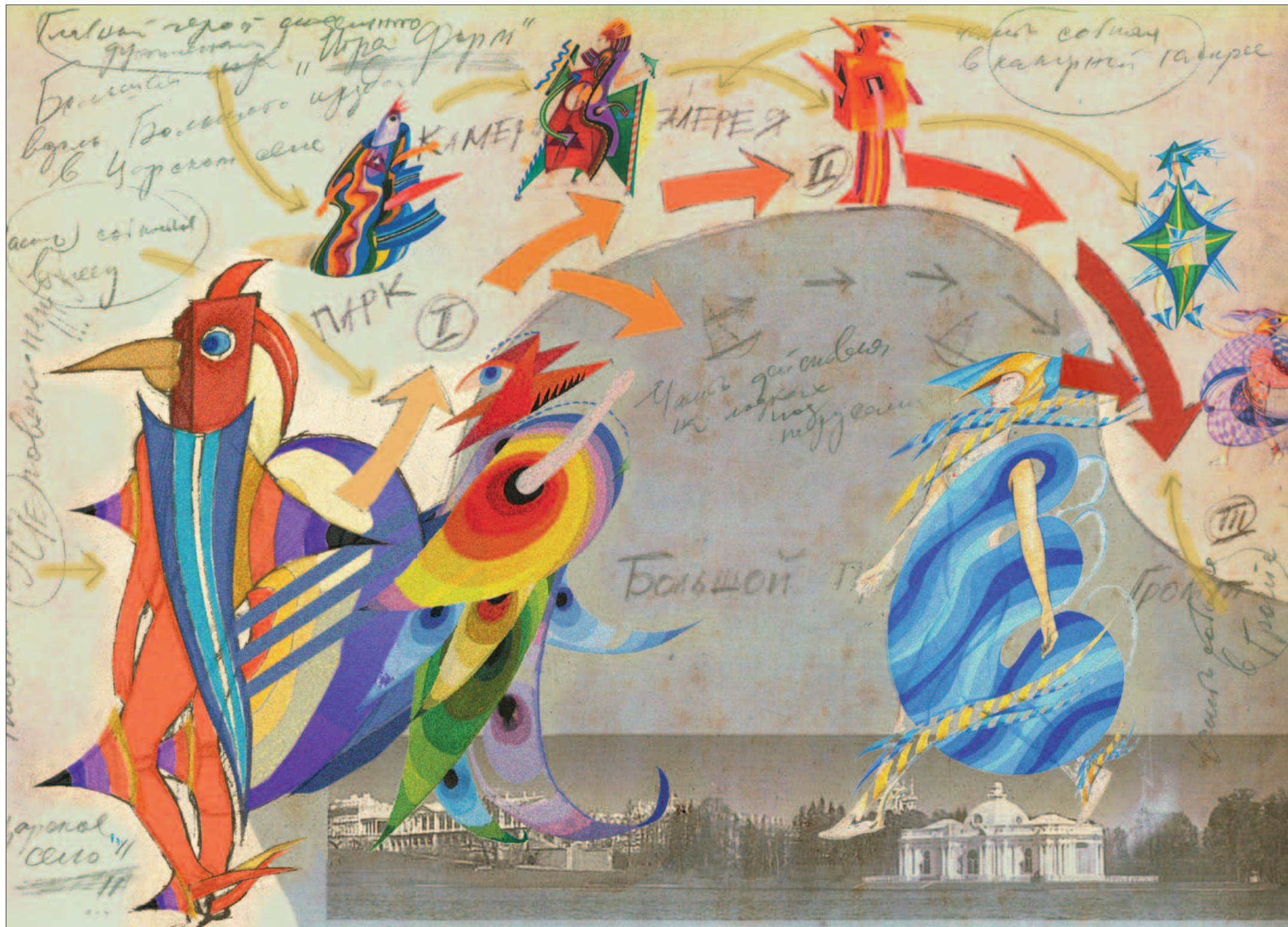
А. Григорьев. Театральные реминисценции на тему спектакля «Игра форм». 2011

А. Григорьев. Эскиз костюма к спектаклю «Игра форм» для группы «Динамика». 1974

А. Григорьев. Эскиз костюма к спектаклю «Игра форм» для группы «Динамика». 1974

А. Григорьев. План-схема театрально-кинетического представления «Игра форм» в Царском селе. 1973–1974

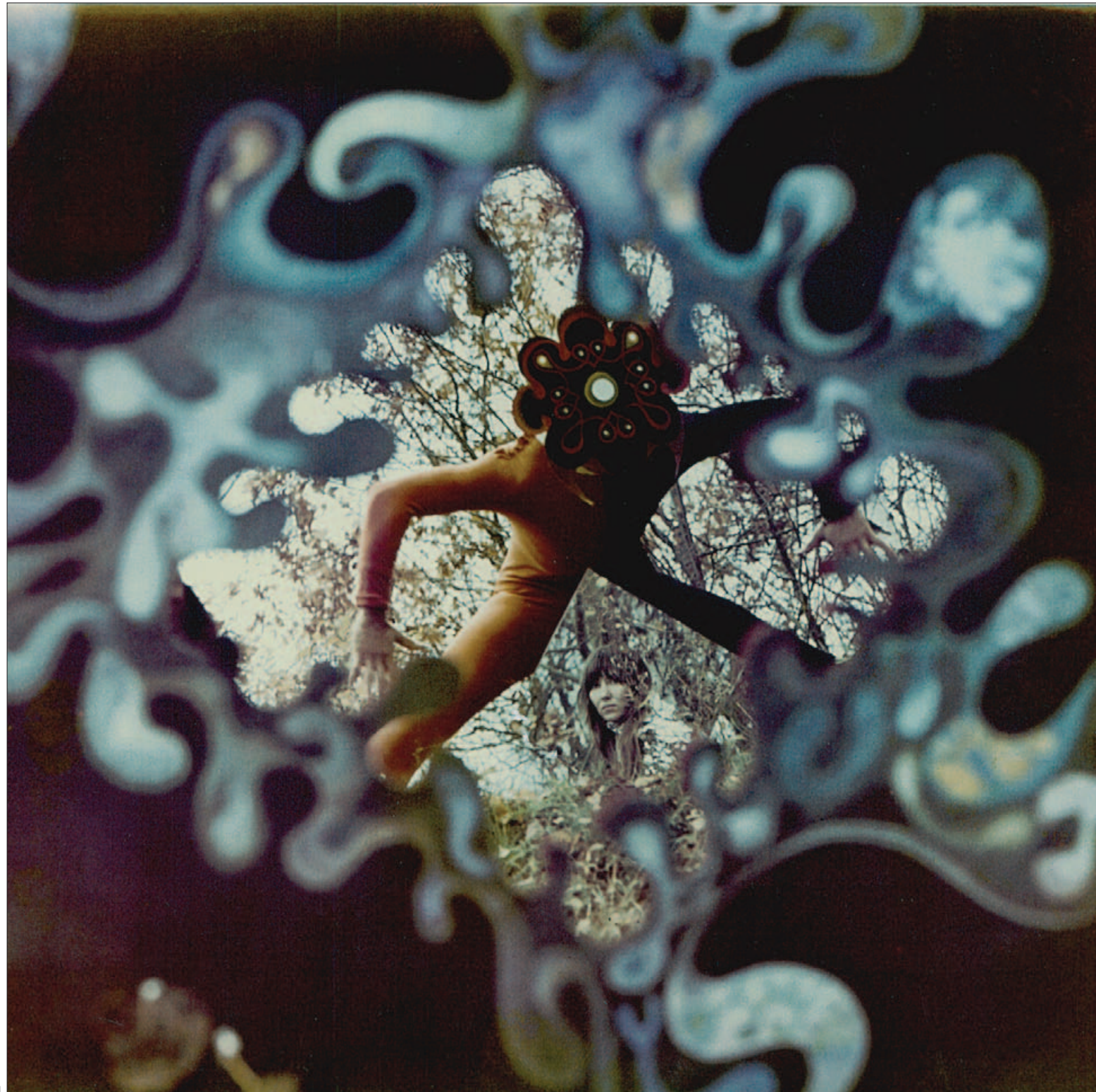

Группа «Движение». Пластические импровизации. Крым. 1972

Группа «Движение». Кинетическая пластика (фотосъёмка – А. Григорьев), Чертаново, Москва, 1972

Группа «Движение». Работа над фильмом о кинетической тенденции. Петергоф. 1974

Группа «Движение». Работа над фильмом о кинетической тенденции. Суздаль. 1974

